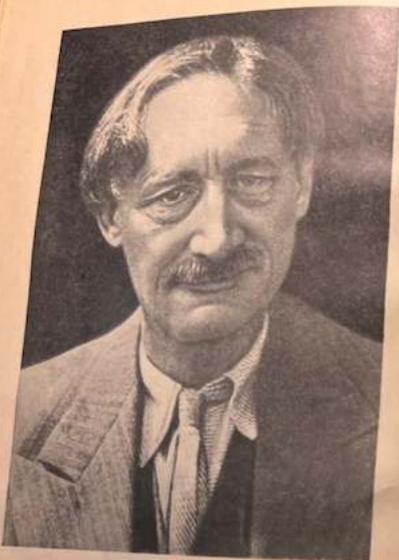

К 57
720

В0

АНРИ БАРБЮС

57
120
АНРИ БАРБЮС

ОГОНЬ
ЯСНОСТЬ
ПИСЬМА
С ФРОНТА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА • 1949

АВТОР «ОГНЯ» И «ЯСНОСТИ»

1

С «Огня» началась мировая слава Барбюса. После этой книги, «исполненной пророческого гнева» (Горький), с отменной силой прозвучавшей над салитыми кровью полями Европы 1916 года, книги, не только разоблачившей бойню народов, но и указавшей массам выход,—Барбюс сразу вырывается в гигантскую фигуру. Начиная с «Огня», Барбюс говорит как пасторль, достойный выразить надежды и стремления переходного человечества. В произведениях, написанных после победы Октябрьской революции в России, он с величайшей убедительностью показывает, что открылась новая эра в истории человечества—«великие дни наступили». Книги Барбюса приобрели колоссальную силу, шпигая в себя ту ненависть к капитализму, которую обострила и укрепила в сознании трудящихся всего мира империалистическая война. Эти книги явились мощным и ярким выражением того, что «революционное сознание масс растет везде» (Ленин). Человечество вступило в новый период своей истории, началось раскрепощение человечества от капиталистического ига,—эта мысль наполняет своим светом каждый образ, создаваемый теперь Барбюсом, каждое его слово. Пафос, страстность, приподнятость произведений Барбюса естественны и изумительны. Эти произведения всегда глубоко правдивы и вместе с тем романтичны в самом хорошем смысле этого слова. Они проникнуты великой уверенностью в том, что близка окончательная победа над врагами человечества. Только на революционном пути Барбюс нашел себя как художник и мыслитель. «Огонь», «Ясность», «Слова борца»—произведения, следующие одно за другим с бурной стремительностью—оставляют впечатление прекрасного и плодотворного творческого подъема. Это—начало того Барбюса, чей голос звучит на весь мир, чье имя становится знаменем борьбы против войны и реакции.

3

Книга «Огни» велика тем, что тупоумие с палкой неистово показало и ней преступность и безумие капитализма. Барбюс дал реальную картину империалистической войны, разрушил все кликусы и глумилась «героическая» война. Он сказал о войне обманную правду, он показал страдания масс, превращенных в куцее мясо, он показал, что империалистическая война была бойней, где в интересах капиталистов убивали миллионы людей. Надо было иметь много мужества, чтобы выступить с таким произведением и самим риском империалистической войны.

Это мужество Барбюс померкнул в народе, который он узнал за время пребывания в окопах. Больше, чем за всю свою предшествующую жизнь. Книга «Огни» свидетельствует, как тесно сблизился с народом, охвачен в солдатском штык, лязгавый, который еще недавно был в тигристом одиночестве. С огромной неохотой говорят Барбюс о своих товарищах по окопам, — страдания, надежды, мужество, повседневный героизм французских солдат он изображал протекливо и правдиво. Книга проникнута любовью к народу.

В «Огни» показано, что империалистическая война легла чудовищным бременем на народ, но вместе с тем война эта стала школой сознательности для миллионов. Основной особенностью романа «Огни» является то, что он показывает рост революционного сознания в массах. Книга Барбюса создает не одно только разоблачение капитализма, и Горького в свое время правильно назвал ее «страшной и радостной книгой», книгой, которая указывает выход. Со страниц ее на весь мир прозвучало имя Либихте — тот путь, который указывал массам штык, вот штык, под которым предлагал он объединиться.

И роман, в котором с самыми чудовищными подробностями показан «героический» кошмар империалистической войны, стал книгой мужества и решимости.

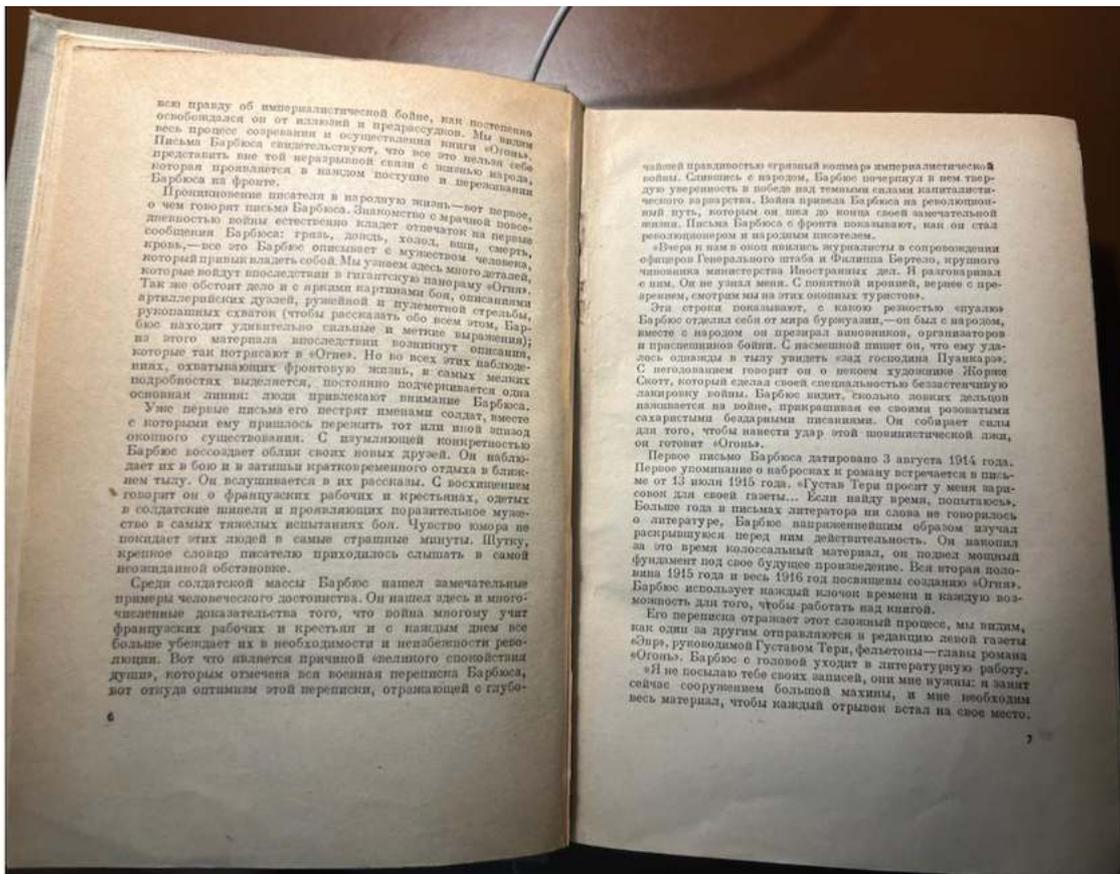
Нет ничего более ошибочного, как ставить это произведение в один ряд с позлейшими пацифистскими откровенными Диамелю или Ремарка, в которых выражены слепой, нишпоркой устал перед войной. Мужественный оптимизм книги «Огни» в том, что она пропитана сознанием неизбежности революционного взрыва, который должен закончиться империалистической войной. Полный благородства образ капитала Бертрама, самоотверженного мечтателя о будущем челове-

честве, образ Карла Либихте (небеса, политичный и нед войны, образ, который можно будет считать героическим и мужественным), образы, которые в бесчеловечных, жестоких битвах, продолжавших всю эту войну с призывом сделать из войны революционный шаг во имя освобождения рабочих, инициатива, которую тупоумием капиталистов хитривали, инициатива войны, — все это книга не может быть названо правдивой картиной. Это, что пережало в романы много на войне и много выдох они сделали из этого страшного испытания.

«Такая этих людей отряхнула», — пишет Барбюс о французских солдатах, анализируя книгу, в которой «превращение совершенно неизвестного, новым подавленного человека и предрассудками, обманом и массовым и революционера войны под влиянием войны показано необычайно сильно, талантливо, правдиво (Денис). Этот политический шаг, прогресс подготовлен на всем протяжении книги. «Словный просвет за черным грозомом победы является местом, что солнце существует», — этот образ возникает, как необходимо своего пафоса книги. Этот образ прогрессивно оптимистично, подтверждает ее основную тенденцию.

«Огни» написан с той жестокой простотой, которая оставляет неизгладимое впечатление, язык романа раздвоен грубого и необычайно прямой красной обложкой аргю.

Сохранились интересные документы, в которых отражены вся история создания романа «Огни». Мы имеем в виду опубликованные в 1937 г. издательством «Фламмарион» Почти всякий день писал Барбюс своему другу. Так возникающая год, прошедшие на фронте. Письма Барбюса откровенно всех событий, участником и свидетелем которых был Барбюс. Множеством шагающих в память деталей очерчен здесь мужественный облик Барбюса. Как удивительное и как человек! Есть большое различие между первым и последним письмами с фронта; мы видим, как Барбюс постепенно узнавал

всю правду об империалистической войне, как постепенно освобождаясь он от иллюзий и предрассудков. Мы видим весь процесс созрания и осуществления книги «Огни». Письма Барбюсса свидетельствуют, что кое-что нельзя себе представлять вне той неразрывной связи с жизнью народа, которая проиллюстрирована в каждом поступке и пережитии Барбюсса на фронте.

Прочитавшие писателя в народную жизнь — вот первое, о чем говорит письмо Барбюсса. Знакомство с мрачной повседневностью войны естественно кладет отпечаток на первые сообщения Барбюсса: грязь, дождь, холод, вши, смерть, кровь, — все это Барбюсс описывает с музеевским человеком, который привык владеть собой. Мы узнаем здесь много деталей, которые войдут впоследствии в гитантскую пьесу «Огни». Так же обстоит дело и с яркими картинками боя, описанными артиллерийских дуелей, ружейной и пулеметной стрельбы, рукопашных схваток (чтобы рассказать обо всем этом, Барбюсс находит удивительно сильные и меткие выражения); из этого материала впоследствии выливаются описания, которые так потрясают в «Огнях». Но во всех этих наблюдениях, охватывающих фронтную жизнь, и самых мелких подробностях выделяется, постоянно подчеркивается одна основная линия: люди привлекают внимание Барбюсса. У нас впервые письмо его вестит именами Барбюсса, с которыми ему пришлось пережить тот или иной эпизод оногого существования. С шумливой конкретностью Барбюсс воссоздает облики своих новых друзей. Он наблюдает их в бою и в затихающем кратковременном отдыхе в близлежащем тылу. Он вслушивается в их рассказы. С восхищением говорит он о французских рабочих и крестьянах, одетых в солдатские шинели и проявляющих поразительное мужество в самых тяжелых испытаниях боя. Чувство восторга не покидает этих людей в самые страшные минуты. Шутку, крепкое слово писателю приходится слышать в самой неожиданной обстановке.

Среди солдатской массы Барбюсс нашел замечательные примеры человеческого достоинства. Он нашел здесь и многочисленные доказательства того, что война многому учит французских рабочих и крестьян и с каждым днем все больше убеждает их в необходимости и неизбежности революции. Вот что является причиной «великого спонсорства души», которым отмечена вся военная переписка Барбюсса, вот откуда оптимизм этой переписки, отражающей с глуби-

чайшей правдивостью огромный контраст империалистическим войнам. Слившись с народом, Барбюсс почувствовал и нем твердую уверенность в победе над теми же силами капиталистического империализма. Война привела Барбюсса на революционный путь, которым она шла до конца своей замечательной жизни. Письма Барбюсса с фронта показывают, как он стал революционером и народным писателем.

«Вчера и там и оное выжились журналисты и сопровождающие офицеров Генерального штаба и Филиппа Бергюа, крупного чиновника министерства Иностранных дел. Я разговаривал с ним. Он не ушел меня. С полнотой иронией, но ранее с презрением, смотрит на нас этих оловянных журналистов».

Эти строки показывают, с какой решимостью спускался Барбюсс отдал себя от мира (урюгуляции, — он был с народом, вместе с народом он преиhrал выживших, организаторов и праславивших бойца. С ласковой пишет он, что ему удалось однажды в тылу увидеть «зад господина Пуанкаре». С негодованием говорит он о некоем художнике Жюрье Слотт, который сделал своей специальностью беззастенчивую лапирку войны. Барбюсс видит, сколько зоник дельный лаживается на войне, прикрашивая ее своими розовыми сахаристыми бездарными писанинами. Он собирает силы для того, чтобы нанести удар этой шовинистической лаке, он готовит «Огни».

Первое письмо Барбюсса датировано 3 августа 1914 года.

Первое упоминание о набросках и роману встречается в письме от 13 июля 1915 года. «Устав Терр просит у меня зареков для своей газеты... Если найду время, попытаюсь, Бельме года и письма литератора ни слова не говорилось о литературе. Барбюсс напряженным образом изучал расширяющаяся перед ним действительность. Он накопил за это время колоссальный материал, он подвел мощный фундамент под свое будущее произведение. Вся вторая половина 1915 года и весь 1916 год посвящены созданию «Огни». Барбюсс использует каждый свободный момент и каждую возможность для того, чтобы работать над книгой.

Его переписка отражает этот сложный процесс, мы видим, как один за другим отпращиваются и редакции левой газеты «Эвр», руководимой Густавом Терр, фелетонами — главы романа «Огни». Барбюсс с головой уходит в литературную работу.

«Я не посылаю тебе своих записей, они мне нужны; я занят сейчас сооружением большой машины, и мне необходим весь материал, чтобы каждый отрывок встал на свое место.

ют роману французские солдаты. Он радостно рассказывает:

«Огромный (речь Бертрама) проливал здесь на товарищей огромное впечатление, они каждый раз просит меня отдать им фелетин, после того как я прочту его: «Молодежь, старина, ты не вальсишь, а напротив говоришь правду!» Они выхолят, что я прав, когда противопоставлю идеал человечности и свободы тупому и гнусному журавелизму (читай: коммунизму.—И. А.). Нравительно, как все солдаты, окружающие меня вот уже два года, охотно принимают правду, которую я разъясняю им. Все больше и убеждаюсь в том, что настало время говорить во весь голос».

В другом письме Барбюс говорит: «С глубоким удовольствием убеждаюсь, что в последней главе книги я сказал все, или обрисовал современное положение и показав долг наш в будущем, ничего, кажется, не оставив и тогда. В разговоре мне случается приводить фразы из «Зари» (название последней главы—И. А.), они естественно приходят мне на память, когда и говорю о том, что я продумал на всю свою жизнь, и солдаты слушают, соглашаются, подтверждают: «Что ни говори, а это правда! И для них это не пустые слова».

«Я много разговариваю с солдатами,—пишет Барбюс в октябре 1916 года.—Правда, и веду пропаганду. Мне радостно писать, что мои слова об Интернационале, о том великом воплощении самых мощных моральных идей, опровергающем все преграды косности, предрассудков и лжи,—находят отклик в этих людях, которые, подобно героям «Огня», вынесли всю тяжесть Великой войны на своих плечах и являются простыми баты. Губарство, социальным исполнением долга исполняет Барбюс то, что его роман стал подлинно народным произведением. Разъясняя, чем нравится ему название романа, он пишет: «Это означает, насколько серьезно потрясение, которое сейчас переживает мир: мир охвачен огнем. Барбюс стремится подчеркнуть весь грозный смысл своего произведения».

Огромный интерес представляют рассуждения по всей переписке Барбюса касательно о социализме. 26-го января 1916 года, давая оценку либеральной газете Терн, он пишет:

«Я согласен с критикой, которую изволил и здесь вести «Заре», за исключением того, что эта газета пишет о социализме, в котором и с математической неизбежностью вижу единственную возможность предотвратить войны в будущем. Никаких других возможностей нет».

40

В другом месте он пишет, что социализм—это единственная справедливая политическая доктрина, которая озвучена не только светом человечности, но и светом разума. Письма Барбюса показывают, что на фронте он стал убежденным социалистом, сознательно борясь за освобождение трудящихся.

В письме от 13-го октября 1916 года Барбюс, находясь в тот же госпиталь, рассказывает, какое впечатление произвело на него буржуазная пресса. «Какая у этих господ острота, тупая и упорная неадекватность и социальную и особенно политическую неадекватность! Как гадки они на софистах, проливающих слезы Барбюс и выходящих писателей; в таком изысканном философическо-редакционном стиле они доказывают необходимость забвения людей и идей. Ностальгия, более или менее замаскированная, порождает коварствами во времена монархического режима, рабства и провала. Не могу выразить, до чего меня возмущает подобное чтение! Необходимо всеми силами бороться против этой прозаической литературы, которой правительство реакторов и реакционеров бесстыдно покровительствует и которая в настоящий момент является литературой официальной».

В этих словах прекрасно выражены лейтмотивы неадекватности и неадекватности, проходящей сквозь всю переписку Барбюса. Годы войны сделали его другим трудящимся.

Совершенно естественно, что книга Барбюса была встречена воим шовинистической прессой. В начале на «Огня» объединялась монархическая газета «Аксель Франсез», католические писатели («Генералы иро окончены на меня. Думаю, что они съели бы меня живьем, если бы могли...»), «грязная газета Заре», «подлец Лавин» на газете «Танк» и этот широчайший фронт включилось и «Рево 36-мидери», которому Барбюс дал замечательную характеристику: «Графиконные убеждения весьма тонкой и прозрачной пленкой республиканизма». Бешеным нападением, подвигая шовинистической прессой, этой «любимой своей», послужила для Барбюса лучшим доказательством того, что он написал книгу, трагедию, или мужественный боец, имеющий перед собой великую и новую цель.

«Успех «Огня»,—пишет Барбюс в мае 1917 года,—дает мне уверенность в том, что меня услышат. Не будем предаваться

41

уничтожить и сделать жертвы войны,—постараемся избежать этого урона, чтобы улучшить социальную ситуацию, сделать ее пригодной для будущего».

Барбюс славится завоевательными идеями, которые он выдвинул в своем первом романе «Лицом к лицу», который должен был показать борьбу двух миров и развязаться в разрыве с капитализмом. В этом смысле можно считать началом его последнего творчества Барбюса.

2

После «Огня» зачинается плодотворный расцвет всех возможностей, являющихся в таланте Барбюса. Он расцвет в творчестве. Отныне имя Барбюса будет связано с самыми острыми и ответственными моментами истории послевоенной Европы. Литературная работа Барбюса теперь основывается на подлинном действии, ставившемся подлинной стихией его. Романы Голланд, великий собрат Барбюса, с полным основанием назвал его «карбом» созданием социальным, который был первым европейским мастером культуры, который связал всю судьбу с рабочим классом, заставившем того широкого демократического движения интеллектуальным, которое вскоре охватило все страны капиталистического мира. Борба против войны и революции не была для Барбюса одной из сторон деятельности. Она поглотила его целиком.

Книга, в которой собраны статьи и речи Барбюса за 1917—1920 гг., носит название «Слова Борба». Это определение можно отнести к каждой строке, написанной Барбюсом после войны. Оно глубочайшим образом соответствует духу его творчества. Этот интеллектуал, в чьих произведениях всегда разгорается великая драма людей, был поразительным организатором.

«Лига больших фронтовиков»,—широкая антимилитаристская организация,— группа «Нарта», в которую Барбюс собрал лучших писателей и мыслителей послевоенной Европы,—все это в значительной мере осуществление Барбюса, в котором он вкладывал столько же страсти и таланта, как и в свои книги. Нельзя представить себе этого писателя, слово которого приобрело огромный резонанс, и слову которого прорывался мир, без этой важнейшей стороны его творчества, заключавшейся в организации борьбы за мир, против военной опасности и реакции.

11

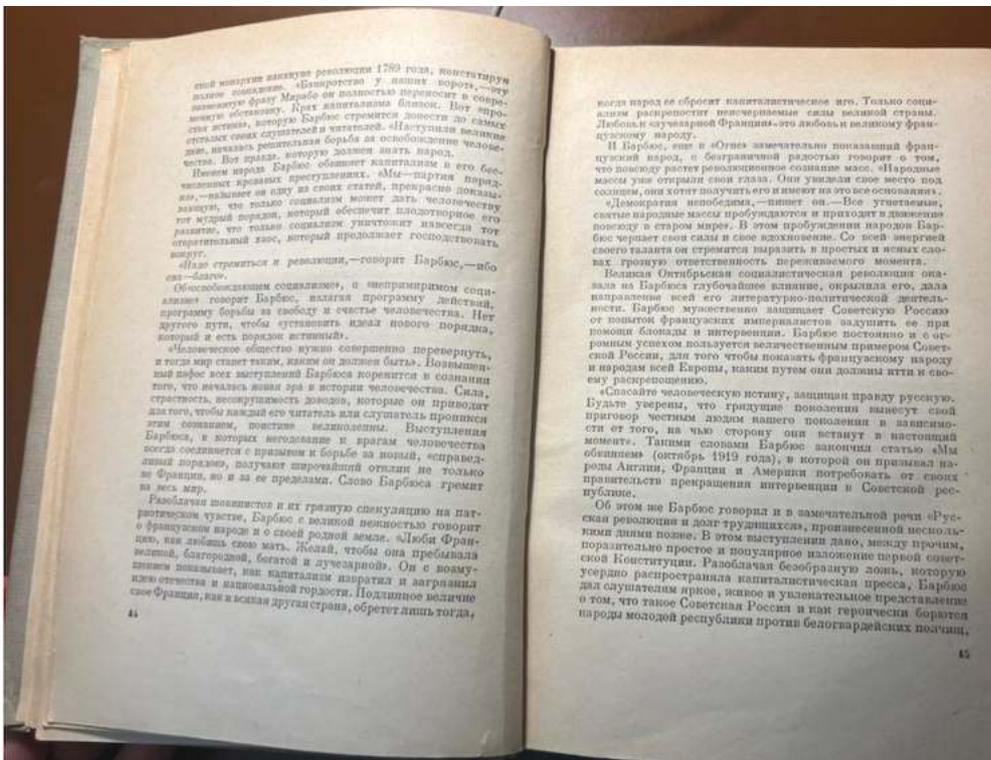
Сейчас же по окончании войны Барбюс полнил широким словом французского народа до тех пор, что только революция придет и раскрепощения. Он писал возмущенные письма, чтобы доказать это людям, которые еще вчера были беспомощными и бессмысленными обывателями. С поразительной мудростью Барбюс имел способ возмущать убежденными на самый разнородный слух народа; он великолепно разговаривал словом, создавая большое количество настоящих шедевров революционной публицистики.

«Слова Борба» дает очень полное представление о борьбе за мир и социализм, которую с огромным успехом вел Барбюс после окончания империалистической войны. Он стремился прежде всего и тому, чтобы французский народ в все народы Европы сделал правильный вывод из кровавого урока империалистической войны. Он уверенно разоблачал все попытки империалистических политиков замести следы и скрыть от народа, что война, унесшая миллионы человеческих жизней, была войной грабительской, что в ней были глубоко заинтересованы империалистические хищники.

«Мы хотим знать правду»,—восклицает Барбюс. Под именем правды он вел свое наступление, а имя, что вранда революционная, что капитализм боится правды, или смерти. Значительно просто и наглядно он умеет доказать своей огромной аудитории, что это правда, будучи усвоен всеми народами, становится грозным революционным оружием. Капитализм скрывает свою кровавую зарю под тысячу самых разнообразных покрывал, даже подлинно чудотворными, высшими делами. Надо сорвать эти отвратительные покрывала и что счастье и свобода человечества и умно, и не о том, что капитализм означает варварство, спростующее все всех направленных».

Сознанием неизбежности краха капитализма пронизаны все выступления Барбюса. «Мы живем в условиях распада»,—не раз повторяет он. В речи «Урон» прощания революция, произнесенной в 1920 году, Барбюс сравнивает положение капитализма в Европе после войны с состоянием французского

12

своей мысли как раз революция 1789 года, констатируя
 идею социализма. «Барбаротте» у Ланца короче, — эту
 знаменитую фразу Марбо он полностью переводит в современную
 обстановку. Крех капитализма близок. Вот «второй
 акт», которую Барбес стремится довести до самых
 отдаленных своих слушателей и читателей. «И наступила великая
 эпоха, началась революционная борьба за освобождение челове-
 чества. Вот правда, которую должен знать народ.

Понимая народ, Барбес обвиняет капитализм и его бес-
 чельных кровавых преступников. «Мы — партия порядка,
 — вышелее на сцену из своих статей, прекрасна доказы-
 вается, что только социализм может дать человечеству
 тот мудрый порядок, который обеспечит плодотворное его
 развитие, что только социализм уничтожит навсегда тот
 отвратительный хаос, который преобладает господствовать
 миру».

«Нужно стремиться к революции», — говорит Барбес, — «ибо
 она — благо».

Общественным социализмом, а «непримиримым соци-
 ализмом» говорит Барбес, являясь программой действий,
 программой борьбы за свободу и счастье человечества. Нет
 другого пути, чтобы улучшить жизнь нового порядка,
 который и есть порядок истинный.

«Человеческое общество нужно совершенно перевернуть,
 и тогда мир станет таким, каким он должен быть». Возмущен-
 ный пафос всех выступлений Барбеса коренится в сознании
 того, что началось новая эра в истории человечества. Сила,
 страстность, красноречивость довода, который он приводит
 для того, чтобы каждый его читатель или слушатель пролился
 этим сознанием, поистине величайшие. Выступления
 Барбеса, в которых негодование и вражда человечества
 всегда соединяется с призывом и борьба за новый, «справед-
 ливый порядок», находят широчайший отклик не только
 во Франции, но и за ее пределами. Слово Барбеса гремит
 на весь мир.

Разоблачая помещиков и их грязную спекуляцию на патри-
 стическом чувстве, Барбес с великой возможностью говорит
 о французском народе и о своей родной земле. «Люба Фран-
 ция, как любила свою мать. Желай, чтобы она пребывала
 великой, богатой, свободной и лучезарной. Он с возму-
 щением показывает, как капитализм извратил и загранил
 идею отечества и национальной гордости. Подлинное величие
 свое Франция, как и всякая другая страна, обретет лишь тогда,

когда народ ее обретет капиталистическое зно. Только соци-
 ализм раскрепостит и освободит славу великой страны.
 Любимая и священная Франция — это любовь и великому фран-
 цузскому народу».

И Барбес, еще в «Открытии» замечательно показавший фран-
 цузский народ, с безграничной радостью говорит о том,
 что повсюду растет революционное сознание масс. Народные
 массы уже открыли свои глаза. Они увидели свое место под
 солнцем, они хотят получить его и имеют на это все основания».

«Демократия неизбежна», — пишет он. — Все угнетенные,
 святые народные массы пробуждаются и приходят в движение
 повсюду в старом мире. В этом пробуждении народов Бар-
 бес чувствует свои силы и свое вдохновение. Со всей энергией
 своего таланта он стремится выразить в простых и ясных сло-
 вах грозную ответственность переживаемого момента.

Великая Октябрьская социалистическая революция оказала
 на Барбеса глубочайшее влияние, открыла ему, дала
 направление всей его литературно-политической деятель-
 ности. Барбес мужественно защищал Советскую Россию
 от пошлой французской империалистской задумки ее при-
 помини клеветы и интервенции. Барбес постоянно и с от-
 верженным успехом пользуется величайшим примером Совет-
 ской России, для того чтобы показать французскому народу
 и народам всей Европы, каким путем они должны идти и сво-
 ему освобождению.

«Спасайте человеческую истину, защищая правду русскую.
 Будьте уверены, что грядущие поколения вынесут свой
 приговор честным людям нашего поколения в зависимости
 от того, на чью сторону они встанут в настоящий
 момент». Таими словами Барбес написал статью «Мы
 обвиняем» (октябрь 1919 года), в которой он призывал на-
 роды Англии, Франции и Америки потребовать от своих
 правительств прекращения интервенции в Советской рес-
 публике.

Об этом же Барбес говорил и в замечательной речи «Рус-
 ская революция и долг трудящихся», произнесенной несколько
 лет спустя. В этом выступлении дано, между прочим,
 подробное изложение истории и популярное изложение первой кон-
 ституции. Разоблачая безобразную лень, которую
 усердно распространяла капиталистическая пресса, Барбес
 дал слушателям яркое, ясное и увлекательное представление
 о том, что такое Советская Россия и как героически борются
 народы молодой республики против белогвардейских пощип,

писателей в том, что «обзорчивая и истинная мысль литератора» обязывает его быть политиком, объективным свидетелем, — писатель не может болеть ни симпатией, ни антипатией к месту и времени!»

Обращаясь к прошлому, Барбюс напоминает, что во время Первой мировой войны писатели и художники вопреки своим различиям и идеям всегда помогали «изменению страны». Не раз обращается он и к «принципу Золя для себя, чтобы воссоздать перед своими читателями и слушателями образ писателя, который был истинным борцом за правду и содействовал своим творчеством расширению человеческого сознания».

Барбюс с восторгом говорит о Роме Роладде, «блестящем организаторе коммунистической совести и прозорливости». Он привносит писателю, «пробиваясь идеями общественной борьбы и стоящим на страже мысли», — «исследовать советам и примеру самого удивительного и наиболее уважаемого из французских мастеров слова: Анатоль Франса». Слово Барбюса всегда отличается удивительной логичностью и монотонностью. Барбюс не только делает совершенно ясную картину, стоящую перед глазами честным писателем, он приводит здесь же наглядные и запоминаемые примеры: Роладд, Франс.

«Многие из писателей не выполняют своих обязанностей человека. Они думают оставаться только членами художественной организации, отстраняясь от участия в общественном движении...» Барбюс возит настойчивую атаку против таких литераторов. Он разбивает всю «философию оправдания интеллигентства», он доказывает с величайшей убедительностью, что все живое в литературе должно бороться на стороне народа. С откровенным гонимым он о литераторах типа д'Аннуцио, которые служат интеллигентству, как верные псы.

Речь «К новым временам, пронесенная в июне 1919 года, представляет превосходный образец того, как ставил Барбюс самые жизненные вопросы культуры и интеллигентства».

«Судьба бросила всех нас в самую гущу великих событий...» Познавшими реалии чертами Барбюс определяет сложившуюся ситуацию. С одной стороны, кровавый кошмар капитализма, который многим внушает чувство глупой боязни безнадежности. С другой стороны, — нарастающие силы будущего, все угнетенные, святые народные массы пробуждаются

и приходят в движение в границах старого мира. Со всем безразличием Барбюс напоминает, что долг художника — пережить и «взвешивая» и отдать все свои силы народу».

«Мозг человека мыслит, расширяется, постигает идеи раздается на две части: одна идет в направлении социального строя, другая не идет и соглашается на отлагательные моменты борьбы жизни. Все прожитое течением не идет и счастливо».

Со всем страстью нападает Барбюс на писателей, которые хотели бы отсидеться в тени своих кабинетов, отстраняясь от величайших событий, разрывавших Европу».

«Индивидуальная мудрость является глупостью, если она вырвется безумием» — бросает Барбюс по адресу таких литераторов, пытающихся трусливо оправдать свою нейтральность «глубоко личным характером творчества. Нет, не эти люди создадут настоящую литературу нашего времени. Ее создадут смелые и мужественные воины мысли». Все знает и понимает Барбюс перед своими читателями и слушателями. Когда в одной из своих недавних статей Габриэль Милл говорит о том, что его идеал, это — «думать на войне», «думать в мечте и в руине», то разве это не тот смысл «воин мысли», о котором говорил Барбюс. Разоблачая предрассудки буржуазной культуры и культуры гуманизма, Барбюс разоблачил перед мастерами культуры и культуры гуманизма подлинную, означившую борьбу за «счастье человечества». Эту линию Барбюс уверенно держит во всех последующих своих выступлениях.

«Талант и гений являются высшими формами не только искренности, но еще и большей степени правдивости...» довод Барбюс ставит горьковской вопрос: «Смысл, мастера культуры?»

«Восстаньте же, наконец, сознательные интеллигенты! Но, прежде всего, не думайте, что достаточно возмутиться в душе. Не думайте, что отныне достаточно лишь добрых желаний: справедлива старая поговорка, — «мы выможем землю ад. Ваша идея, канона бы она ни была, — поны, злею, и вы должны вступить в великую борьбу человечества». Эти слова из известного манифеста «С лозгом в зубах» пред-

ставляет программу политической и литературной работы Барбюса с интеллигенцией. Барбюс сумел доказать самым убедительным и понятным для своей аудитории образом, что место честных мастеров культуры с народом, что их творчество неотделимо от политической борьбы. Барбюс сумел разорвать множество предрассудков, которые опутывали многих буржуазных интеллигентов, мешая им выпримериться. Роль Барбюса здесь огромна. Как и во всем остальном, здесь за Барбюсом была историческая правда, которая придавала всем его обращениям к интеллигенции неоправданную убедительность и потрясающую ясность.

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой». В борьбе двух миров не может быть «золотой середины». В борьбе двух миров не может быть «золотой середины». В борьбе двух миров не может быть «золотой середины».

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой». В борьбе двух миров не может быть «золотой середины».

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой».

20

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой».

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой».

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой».

Здесь надо вспомнить один излюбленный образ Барбюса — он пользовался им всегда, когда хотел нанести удар труднейшему либеральному гуманизму. Барбюс был гуманистом в самом возвышенном смысле этого слова. Он был лоялен по отношению к человечеству и не падал тех, кто старался уклониться от своего долга человека. Он называл таких людей «золотой серединой».

21

Богатых, он тишится и широким буржуа, подражает им в одежде, стремится усвоить их взгляды. Традиционный местный праздник, на котором сиротный световой мюзет увидит бирюеску Грива, маркиза де Монтильи, своего хозяина, господина Гольана, торговца Фонтана (су-это-бледное, ведающее лицо, подбородком многорусый, как винют у Будды) и другую местную знать, нависает ему большим и ярким событием. Симон готов сочувствовать националистической пропаганде господина Жозефа Бонеса, который основал в Вилье общество национального пробуждения—«Реванш». Это льстит самолюбию клерика, его приближает его к хозяевам. В романе прекрасно показана психология сабатого интеллигентного человека, стремящегося исплыть на поверхность. Показаны горя слуха и пустота существования Симона,—все здесь очень безцветно, человек придален и прижат: «каждый день погруженный в цифры, он выплывает из них по вечерам, как утопленник, безучастный ко всему,—эту несовершенность человека глубоко чувствует автор романа, и он прибегает к водкам, которых знавал пригуза и земля, подчеркивая, что за «скудостью их выпан» различно прекрасное «богатство их сердца».

Если в повелках своих Симон тишится и миру богатых, то в действительности он плотно окружен той самой «столой», тем самым широким народом, которого он нечаянно сторонится. Своим социальным положением, своими инстинктивными интересами, своим бытом он связан с массой. В романе показан целый ряд широкых людей, составляющих непосредственное окружение Симона. Здесь вырисовываются весьма интересные характеры. Вот лампочник Мариусен, по прозвищу «Керосинчик», швец-постранный своей работой, намученный и озабоченный; он попал на удочку социалистической пропаганды господина Дерудеда и его «Лига патриотов» и любит отвести душу самой разухабистой болтовней о рванше. Этого отсталого и темного рабочего, искренно ненавидящего буржуазный строй, искренно возмущающегося несправедливостью, давно прибрали и руками водочника из организации Жозефа Бонеса, близко напоминающего современных кагуларов. Рядом можно поставить тоже необычайно характерную фигуру кузнеца Брисбиля. Подобно «Керосинчику», этот рабочий страстно ненавидит буржуазный мир, но это инстинкт и оправданное негодование выплывает у него в совершенно бесплодный иерархический бунт.

Брисбиля с его отчаянными и, в конце концов, никому не страшными выпадами против капиталистов находится в том же глупом тумане, что и Мариусен, обманутый буржуазными националистами. Ряд других фигур романа—Крильон, дядя Эдуард—донимает картину. В городе, где живет Симон, людям трудно добраться до правды, и густой атмосфере Вилье угасает всякая мысль, нужна большая истинность, чтобы вывести этот мир из оцепенения. Роман показывает, как господина Гольана эксплоатируют темноту и отсталость своих рабочих. Они кроются в этой темноте заштеревали.

Перед взором Симона постоянно возникает трагическое видение народа. Он каждый день соприкасается с тяжелой жизнью социальных низов, но он делает попытку остаться в стороне, отгородиться ото всего стеклянными стенами своей будки на заводе Гольана. Ведь у него есть иллюзия выйти и люди! И воля он носится с этой иллюзией, самая инстинктивная реальность пустоты жизни окружает Симона, «интересного своим беспредельным, холодным одиночеством». Симон мучительно переживает свою отрешенность от большой и яркой жизни («Да, мы не созданы для крупных событий»), но он покорно мирится с этим, как и все, что его окружает. Такова жизнь в Вилье, серая, монотонная. Существование людей, пригнущих к самой земле, лишённых света, радости, культуры.

Мрачную эту картину Барбос рисует не только словами, но и тревожащими словами. Он дает не только точнейшее и глубокое реалистическое изображение города и его обитателей (праздник в Вилье, живо напоминающий классическое описание Флабера), но и заставляет нас ощущать, измерить меру человеческого страдания. Старая барбосовская тема развернута здесь с новой силой и с невиданной убедительностью.

Но и в этом темном заходуты назревают большие события. Сначала пыльный Брисбиля на празднике кричит прямо в лицо Фонтанам и Бонесам: «Сказали, куда все это ведет, а? В пропасть! Все это ваше общество—старе, гниет! Один—дураки, другие—прохвосты! В пропасть, говорит вам... Загтра... Берегитесь! Загтра!» Как ни голословна эта речевка нарастающего в Вилье пиллжуги, в ней чувствуется нарастающее тревожа, и она в какой-то степени символична. Забастовка рабочих на заводе Гольана представляет невиданное событие в Вилье. Она по-истинному всколыхнула болото и по-настоящему

впервые поставил вопрос о классовой борьбе в захолустном городке. Как бы ни был бесцелен конец забастовки, которую хитрым ходом ликвидировали тем, что спонси своих рабочих вином,—это было огромное и грозное событие, выходящее за пределы на дальнейшую судьбу Вилье и окружающих обитателей. И наконец настоящей грозой, разразившейся над сонным городком, была империалистическая война 1914 года.

Симон, как и многие вильерцы, становится окопным солдатом, «пуляло». Ему приходится испытать все то, что описано с такой поразительной силой в «Огнях», пережить и передумать все, что передумали наперед Бертраи и другие люди «Огня». Здесь роман «Испытание» непосредственно соотносится со знаменитой первой книгой Барбюса о войне. Многие здесь прямо повторяют, и, как нам кажется, целью художника было дать святую записку колоссальной важности «Огня» для того, чтобы подчеркнуть глубокое единство двух книг, продолжавших одна другую. Перед Симоном Полем возникают вопросы о целях империалистической войны, об ответственности за эту войну. Он начинает понимать, что вместе с миллионами других французов он стал жертвой империалистического обмана, что французский народ продвигает иррив в интересах своих врагов, называющихся на войне. Ему становится ясно, что «Франция—это мы, это—народ, а не господи Фонтаны, не реакционные министры вроде господина Пуанкаре».

Параллельно совершаются весьма интересные события в Вилье. Казенные ораторы провозносят здесь лицемерные, шовинистические речи, лживость которых становится понятной даже очень отсталым слушателям. Парад шовинистического лицемерия показан в романе с большой сатирической силой. Мы видим, как возникает переписка с мыслями солдат на фронте: в захолустном городке начинают догадываться, что «Франция—это мы, что народ—это не господи Фонтаны».

В романе показана поучительная «эволюция» некоторых героев, с которыми читатель познакомился в самом начале. Мы видим, что торговцы необычайно разбогатели на войне, разжирились, помывшая пени, спекулируют на недостатке продуктов, ура-шарлоттистической ложью прикрывая самое настоящее нагнетание. Что касается призывателя Бонеса, то этот август 1914 года снес за благо «выдержать экзамен» на лейтенантского офицера. Это извращало «доблестного

националиста от великих неприятностей фронта и заднюю подвело четкий баланс всей его деятельности. Этот молодой, столь восторго говоривший об «избранной расе», всегда был «идеально» близок к стране. Там, в немногих, но очень метких и точных формулах определяется облик мира, который еще недавно казался Симоно очень красивым.

Подготавливается и нарастает полный разрыв между пропавшим Симоном Полем, между его иллюзиями и жалкими заблуждениями и тем, что предстоит ему в будущем.

Страшная когитация, издолго ливнившая Симона сознания, создала некую психологическую пропасть между двумя отрезками его жизни до и после лазарета. Симон возвращается в свой городок новым человеком. Теперь он необычайно активен, он стал деятелем и не склонен мириться с пошлостью и несправедливостью.

«Ты слишком много возмущался с тех пор, как вернулся»,—говорит ему Мария, его жена. В этой окрестной провинции, как в калле воды, отражены большие перемены, произошедшие в Симоно.

Еще не совсем оправившись от пережитого потрясения, Симон все же полон оптимизма и уверенности. «Я стою на ногах и крепко с намытым дном. Я принадлежу не к тем, кто заканчивает жизнь, а к тем, кто ее начинает». Мы становимся свидетелями долгих раздумий Симона, долгих его разговоров с самим собой,—в них подняты все вопросы, которые может поднять человек, впервые узнавший правду о капитализме и о революции. Многие здесь приближаются к тому, что сказано в «Словах борца», но все это выдвинуто здесь в человеческий характер, в человеческую драму и приобрело поэтому какой-то новый, глубоко питательный оттенок.

Сознание Симона Полена, очищающееся от предрассудков, приобретает ясность. Барбюс очень талантливо решает здесь психологическую задачу. Как приходит еще недавно невежественный обыватель к пониманию того, что «истина проста», что «истина революционна»? Как узнает он в себе «человека из народа» и догадывается, что его судьба неразрывно связана с судьбой народа? Как приходит он к выводу, что надо «убить капитализм, раз хочешь быть свободным и сделать свой народ счастливым? Ведь величие его родины, его «лучезарной Франции», это—величие народа! С мудрой, глубокой простотой повествует Барбюс о том, как эта лавина идей

захватил его герой, как страшные годы войны подготовили этого «человека из народа» и тому, что он стал сознательным противником капитализма. Перед нами картина полного преображения человека.

Самой важной чертой нового характера является мужество и уверенность, что прямо противоположно прежнему Саймону с его одиночеством и «непомерной печалью». Искренность выпрямляет человека, искренность делает его смелым и сильным. «Я искал, и смутно видел, и сомневался. Теперь и надеюсь», — говорит Саймон.

Теперь он знает, что надо «перестроить все сверху донизу». Он знает, что только революция спасет человечество и принесет ему освобождение и мир. «Революция — это порядок».

Саймон охвачен переживанием красоты будущего, залитого «ярким светом великолепных просторов» этого будущего, когда людям станет легко дышать, когда будет «расчищен путь от отдельного человека к человечеству». Последние страницы романа «Ясности» солнечны, радостны, и это радость мужественная, ибо герой романа понял, что счастье человечества надо завоевать в бою. Герой «Ясности» — это человек, ставший деятелем.

Подняв вопрос колоссальной важности, роман Барбюса в живых, искух и патетических образах показывает пробуждение революционного сознания в массах, показывает путь многочисленных незаметных Саймонов Полен, становившихся в ряды борцов. Вместе с «Огнем» «Ясности» составляет самое глубокое и мощное революционное произведение послевоенной литературы на Западе.

4

После «Огня» и «Ясности» Барбюс стал известнейшим писателем и известнейшим революционным деятелем. Группа «Кларк» была первым доказательством того, как замечательно воплотились в Барбюсе те новые качества писателя-борца, которых он требовал от всех мастеров культуры, призывая их стать на сторону рабочего класса. Никогда нельзя отделить Барбюса-художника, прекрасного художника, от деятеля, организатора борьбы за социализм. Барбюс был первым западным писателем этого нового типа. Он сноровкой преодолел разрыв между искусством и действительностью, которая была серьезной болезнью весьма многих

26

мастеров культуры. Слово Барбюса начало поднимать миллионы людей, ибо оно было словом писателя, беззаветно преданного народу, писателя, вся жизнь которого была без остатка отдана народу. Барбюс был художником глубокой цельности.

С головой уходит он в политическую работу и на писательство свое смотрит, как на прямое продолжение этой работы. Он ищет такой формы писательства, которая максимально отвечала бы задаче просвещения масс и их революционной организации. В этом плане надо рассмотреть все, что вышло из-под его пера. Барбюс был агитатором в самом полном и глубоком значении этого слова. Проза Барбюса, отточенная, чистая и простая, удивительно живая и цельнообразная. Слово всегда бьет прямо в цель.

Барбюс не пишет обыкновенных романов или чего-либо, напоминающего обыкновенные романы. Он ищет и находит свою собственную, очень гибкую и очень живую форму, которая представляет форму осуждения, монолога, где обсуждаются самые важные, боевые, острые, захватывающие вопросы борьбы за новый мир. Иногда Барбюс пишет герой, рассказывающего о жизни, судящего о ней. Иногда он выступает прямо от своего лица. Барбюс был учеником Золя; он был логичен и давал в своих произведениях полную и верную картину действительности. Любая его вещь основана на колоссальном количестве материала. Все это предстает у Барбюса не как последовательное изложение и шафром речь, а как страстная, пронизанная негодованием и шафром речь революционного агитатора. В этом плане строится каждая вещь Барбюса. Барбюс постоянно вмешивается в положение событий и фактов, он с вальчавшим блеском осуществляет эти инверсии, добиваясь чудесного поразительного эффекта.

Можно говорить о своеобразной примитивности прозы Барбюса. Писатель, сделавший своей творческой программой ясность, стремился с возможной простотой, наглядностью, убедительностью раскрыть перед массами важнейшие, самые настоящие вопросы борьбы и жизни. В этом смысле искусство Барбюса необычайно строго и не допускает никаких отклонений. Читатель книг Барбюса знает, что в них он встретит целый ряд мыслей, образов, которые, подобно красным знаменам (или, если хотите, молниям), пронизывают творчество Барбюса. Есть вещи, о которых Барбюс никогда не уставал говорить и которые он никогда не боялся повто-

27

рять, ибо справедливо считал их неисчерпаемыми. Из них и сложились лейтмотивы, которые придают произведениям Барбюса такую цельность, стройность и устремленность.

Направление, в котором располагаются все лейтмотивы Барбюса, это—самое важное и решающее в современной истории, то, что он для всех хотел сделать ясным: борьба двух миров. Направление этой борьбы Барбюс постоянно заставляет нас чувствовать, вне этой борьбы нельзя себе представить ни одно его произведение, ни один образ, ни одно слово. И прекрасный, вдохновенный пафос, столь свойственный Барбюсу, и гневный сарказм, которым он так мастерски владеет, получают в этой основной и всеобъемлющей теме Барбюса глубочайшее выражение.

Все, что писал и говорил Барбюс, насыщено грозной ненавистью к капитализму и реакции. Трудно назвать писателя, который говорил бы с такой силой негодования и с такой жесткой реальностью то, что Барбюс называл «эпохой крови».

«Варварство царят повсюду и наши дни»,—говорит Барбюс и самыми страшными, неопровержимыми фактами, огромным количеством фактов разоблачает капитализм. Он доказывает неизбежность краха капитализма, который «затягивает вниз по всем своим статистическим кривым». Он хочет, чтобы трудящиеся лучше узнали своего врага, он воспитывает в своем читателе презрение и ненависть к этому врагу.

Барбюс писал и говорил с одной целью—поднять миллионы людей на борьбу с капитализмом. Самые сильные, незабываемые места книг и выступлений Барбюса—это контраст между радостной, счастливой, весенней перспективой социализма, к которому он звал человечество, и капиталистическим варварством. Барбюс умел выразить ненависть трудящихся к капитализму и уверенность в победе. Он умел показать, что только жестокая и трудная борьба приведет к освобождению народов. С презрением и негодованием говорил он всегда о людях, пытающихся трусливо уклониться от схватки. Он надевался над этими шпацифистами.

Спокойствие и покоряющая уверенность слова Барбюса коренится в его любви к народу, в его ясном убеждении, что «сила народа может пересечь все».

С прекрасным волнением писатель показал пробуждение на-

рода. «Глава этих людей открылась»,—пишет Барбюс о французских солдатах, которых война многому научила и убедила в необходимости и неизбежности революции. Этот образ, появившийся впервые на последних страницах книги «Гроза», очень часто встречается в дальнейшем. Барбюс любит его не меньше, чем слово «искусность». «Народные массы уже открыли свои глаза—не раз в различных вариантах это сказано в книге «Слова борьбы». И наконец, в последней книге своей, говоря о широком движении народного фронта, Барбюс пишет: «Есть мысленный глаз, открывающийся под воздействием света». Простой и сильный образ этот—неотъемлемое своеобразие прозы Барбюса. Здесь замечательно выражена ее строгий и чистый пафос.

Барбюс познаывает рост революционного сознания в массах, как мудрый наблюдатель, как революционер с широчайшим кругозором, как вдохновенный народный поэт. Он подходит к этой проблеме с разных сторон, если нужно, он погружается в статистические выкладки; с особым вниманием присматривается он к типу нового человека, который складывается в обстановке борьбы. Глубокими и исчными чертами рисует он эту фигуру.

«Революция—это выпрямление всемирной жизни»,—пишет в одном месте Барбюс. И он, обладавший с потрясающей наглядностью, как капитализм коверкает, унизает, пригибает к земле человека, находит чудесные, чистые слова для того, чтобы показать, что революция помогает человеку встать во весь рост. Барбюс умел замечательно ярко показать своей колоссальной аудитории, сколько радости и весенней свежести содержится в понятии—социализм. Этому грандиозному *выпрямлению*, этому грядущему счастью человечества он служил всю свою жизнь.

Пробуждение народных масс в его родной Франции и в других странах капитализма вдохновляло Барбюса в его литературном и политическом творчестве. Вместе с тем самой большой и самой яркой надеждой Барбюса была наша великая родина. Он внимательно изучал историю нашей революции и весь ход социалистического строительства, проходившего на его глазах. Образ страны социализма с исключительной яркостью воплощен во многих его произведениях. В этом образе революционный пафос Барбюса получает самое целостное, самое последовательное раскрытие.

Последняя книга Барбюса—самое величественное и прекрасное из его произведений; это книга о гениальном

донде всего передового человечества—товарище Сталин. В ней дан яркий и правдивый образ душистого из людей нашей эпохи. Вместо с тем это—книга о Советской стране и великих победах социализма, одержанных под руководством Сталина. В этой книге дана солнечная картина нового мира. Здесь нашли законченное и полное выражение самые высокие чаяния писателя, который был мужественным воином за счастье человечества.

Прошло уже пять лет со дня смерти Барбюса, пять лет, наполненных большими событиями на Западе. И каждый, кто прочтет сейчас собрание в этой книге произведений Барбюса, почувствует их актуальность, их поразительную актуальность. В кровавом хаосе второй империалистической войны слово Барбюса звучит как слово великой надежды. Французскому народу, на который война наложила чудовищное бремя, слово его верного друга поможет внести в создавшееся положение «ясность», столь необходимую ему в настоящий исторический момент.

ОГОНЬ

(Дневник آزода)

ПЕРЕВЕТ С ФРАНЦУЗСКОГО
ВАЛЕНТИИ ПАРНАХ
ПРЕДИСЛОВИЕ М. ГОРЬКОГО

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой книге, простой и беспощадно правдивой, рассказано о том, как люди разных наций, но одинаково разумные, испробовали друг друга, разрушают всекие плоды своего каторжного и великодушного труда, превращая в кучи мусора храмы, дворцы, дома, уничтожая дотла города, деревни, виноградники, как они испортили сотни тысяч десятин земли, прекрасно возделанной их предками и ныне надломленной осколками железа и отравленной ядами мясом безвинно убитых людей.

Занимаясь этой безумной работой самонстребления и уничтожения культуры, они, люди, способные разумно рассуждать обо всем, что раздражает их кожу и нервы, волнуют их сердца и умы, молятся богу, молятся искренно и, как описывает это один из героев книги, молятся «идиотски одинаково», после чего снова начинают дикую работу самозубительства, так же «идиотски одинаково». На стр. 255—256 читатель найдет эту картину богослужения немцев и французов, одинаково искренно верующих, что в кровавом и подлом деле войны «е нами бог».

И они же затем говорят: «Богу—наплевать на нас!» И они же, герои, великомученики, братоубийцы, спрашивают друг друга:

«— Но, все-таки, как же он смеет, этот бог, позволять всем одинаково думать, что он—с нами, а не с другими?»¹ Мысля трогательно, просто, как дети, — в общем же «идиотски одинаково», — эти люди, проливая кровь друг друга, говорят:

«— Если бы существовал бог, добрый и милосердный, — холода не было бы!»

¹ М. Горький приводит цитаты из «Огни» в переводе И. Е. Сливкина.

...на свое лицо прожаренного и жадно залаяла вперед,
в бесконечность.
Что он увидит там?
Мы верим, что он увидит своих потомков свободными,
разумными и сильными волей.

Эту страшную и радостную книгу написал Анри Барбюс человек, лично переживший весь ужас войны, все ее безумие. Это не парадная книга гениального Льва Толстого, который соображал войну в далеком прошлом; это не эссеистическое сочинение Берты Сутнер «Долой войну» — сочинение, написанное с добрым намерением, но не способное никого и ни в чем убедить, ни разубедить.

Это — книга простая, исполненная пророческого гнева, это — первая книга, которая говорит о войне просто, сурово, споконно и с неодолимою силою правды. В ней нет изображений, романтизирующих войну, раскрашивающих ее грязно-красный ужас во все цвета радуги.

Барбюс написал буйна война, он изобразил войну как работу, тяжелую и грязную работу взаимного истребления ни в чем не повинных людей, не повинных ни в чем, кроме глупости. В его книге нет поэтически и героически раскрашенных картин сражений, нет описаний мужества отдельных солдат, — книга Барбюса насыщена суровой поэзией правды, она изображает мужество народа, мужество сотен тысяч, миллионов людей, обреченных на смерть, и уничтожение великим провокатором народов — капиталом. Этот Дьявол, совершенно реальный, неутомимо действующий среди нас, это он главный герой книги Барбюса. Ослепшие миллионы простакон ложным блеском идей и учений, убивающих волю, отравив из ядом жадности, зависти, своекорыстия, он согнал миллионы из на плодородные поля Франции, и там они в течение четырех лет разрушают в прах все, созданное трудом миллионов стелстий, еще раз показывая самим себе, что величайший враг человека — его безволие и неразумие.

Барбюс глубже, чем кто-либо из писателей до него, заглянул в сущность войны и показал людям бедную из заблуждения.

Каждая страница его книги — удар железного молота правды по всей той массе лжи, лицемерия, эстетизма, грязи и крови, которые в общем зовутся войной. Мрачная книга его страшна своей беспощадной правдой, но всегда

во мраке изображаемого нам свергают озлобленными порою сознания, — и эти озлобки, мы верим, скоро разгорятся во всемирное пламя очищения земли от грязи, крови, лжи и лицемерия, созданных Дьяволом Капитала. Люди, в которых говорит Барбюс, уже начинают смело отрицать власть бога над человеком, и это первый признак, что скоро они почувствуют, со стыдом и гневом, как преступника и отвратительна власть человека над подобным себе.

Мы живем в трагические дни, нам невозможно танго, но мы живем накануне возрождения всех добрых сил человека к свободному творчеству и труду. Это — правда, и она должна утешить нас, усилить наши силы, придать нам бодрость.

М. Горький.

Предшествующее было написано за 15 лет до наших дней, в трагический год голода, в год конца победоносной войны солдатских пролетариев, рабочих и крестьян, против богатых вооруженных капиталистами Европы армий русских фабрикантов и помещиков и против посланных европейских авантюристами — в помощь своим братьям по оружию и духу — войска, среди которых был даже отряд кавалерии на осле.

За полтора десятка лет пролетариат царской России и ее колоний непрерывным, чудотворным трудом превратил обширную безграмотную страну полунищих крестьян и полупролетарской, жадной мелкой буржуазии — в мощный социалистический братский союз народов.

Наше капиталисты Европы снова затевают войну, основная цель которой — нападение на Союз Социалистический Советов. Для того, чтоб начать эту войну, капиталистам необходимо единство. Наиболее наглая и очумелая группа их предполагает достичь единства по примеру Наполеона: побить своих соседей и, схватив побежденных за шиворот, двинуть их против всеобщего социалистического. План простой и ясный, этот план и вставил меня вспомнить об осле.

Позорнейшая роль ослы в войне 14—18 гг., характеризуются, как известно, победным воодушевлением немецкой социал-демократии, русских меньшевиков, эс-эров и многих прочих вождей той мелкой буржуазии, из которой капиталисты 15 лет фабрикуют фашистов.

Мне кажется, что социалистически-революционная ценность работы Барбюса и друзей — огромная, и это видно не по дутым литературное особенно хорошо и ясно видно именно с точки зрения нашей нынешней точки зрения. Его книга — одна из тех, которые за 15 лет опровергли многие тысячи слогов, перенесших крошечку, и антифашистское движение, все более и более растущее в наши дни, должно признать Барбюса одним из первых своих основоположников.

11 сентября 1935 г.

М. Горький.

Памяти испарившейся жизни рабочих ее жид
наз Куча и на высоте 119

А. В.

1 ВНДЕНИЕ

Лицом к вершинам Дан-дю-Миди, Эгюль-Верт и Монблана, на галерее санатория, в ряд лежат люди; из-под одеял виднеются исхудалые бескровные лица; глаза лихорадочно блещут.

Эта застывшая терраса дворца-госпиталя одиноко возвышается над миром. Красные, зеленые, коричневые, белые одеяла из тонкой шерсти не шевелятся. На шезлонгах парит молчание. Кто-то кашляет. Наряду слышится только шелест мерно перелистаемых страниц книги или вопрос и ответ осторожно порешивающихся соседей, или иногда на балюстраде хлопает крыльями дерзкая ворона, которая отбилась от стаи, рассыпавшихся буеами черного жемчуга и прозрачном небе.

Молчание здесь — закон. К тому же, эти богатые, независимые люди, съехавшие сюда со всех концов света, пораженные одним и тем же недугом, отвыкли говорить. Они ушли в себя и думают только о своей жизни и смерти.

На галерее появляется служанка; она вся в белом и двигается бесшумно. Она раздает газеты.

— Конечно! — говорит тот, кто первый развернул газету. — Война объявлена!

Хотя все давно готово к этому известию, оно потрясает: ведь все чувствуют его безмерное значение.

Эти умные, образованные люди, умудренные страданиями и раздумьем, отрешенные от жизни, далекие от других людей, словно уже принадлежат будущему, глядят вдаль, в непонятную страну живых и сумасшедших.

— Это преступление со стороны Австрии! — говорит австриец.